

Антифилософия, или Философские реди-мейды

БОРИС ГРОЙС

БОРИС ГРОЙС. Доктор философии
(Мюнстер), профессор славистики
Нью-Йоркского университета.
Адрес: 19 University Place, NYU
Room 208, New York NY 10003, USA.
E-mail: groys@aol.com.

Ключевые слова: антифилософия,
реди-мейд, метаноя, естественная
установка, метапозиция.

В статье проводятся параллели между «антиискусством», которое использует техники реди-мейд, и философской практикой, по аналогии названной антифилософией. Чтобы определить и инициировать философскую практику реди-мейда, нужно продемонстрировать, что некоторые обыденные практики не ограничиваются рамками индивидуальных культурных идентичностей, и в этом смысле преодолевают любой культурный релятивизм. Этим доказывается возможность открыть универсальную, трансцендентную метаперспективу без преодоления своей естественной установки героическим актом философской метанойи. Антифилософ не выходит за пределы мира, чтобы занять метапозицию, — он ищет реальные, внутримирные практики, уже имеющие универсальное измерение, превосходящее частные точки зрения. Это может быть техника (Юнгер), война, ошибка и иллюзия, смех, слезы, опера (Вагнер), медиа (Маклюэн) и т. д. Философ интерпретирует здесь некоторую реальную практику как универсальную и тем самым философски релевантную.

ANTIPHILOSOPHY,
OR PHILOSOPHICAL READY-MADES

BORIS GROYS. Professor of Russian and
Slavic Studies at the New York University.
Address: 19 University Place, NYU
Room 208, New York NY 10003, USA.
E-mail: groys@aol.com.

Keywords: anti-philosophy, ready-made,
metanoia, natural attitude, meta-position.

The author draws parallels between so-called “anti-art”, which utilizes ready-mades, and what he has called by analogy “antiphilosophy”. To define and start a ready-made philosophical practice one needs to demonstrate that certain ordinary, everyday practices do not conform to the frameworks of individual cultural identities, and in this sense transcend any cultural relativism. In this way, it becomes possible to open a universal, transcendent meta-perspective without having to overcome one’s natural attitude through the heroic act of philosophical metanoia. The antiphilosopher does not have to search beyond the world in order to take on a meta position; instead, he looks for existing innerworldly practices that already have a universal dimension which transcends any particular worldview. This can be technique (Jung), war, error and illusion, laughter, tears, opera (Wagner), media (McLuhan), etc. Here the philosopher interprets a certain ordinary practice as a universal practice, which subsequently becomes philosophically relevant.

ТО КРАТКОЕ вступление в мое введение в антифило-софию должно уточнить употребление мной термина «антифилософия». Данное понятие уже использовалось Лаканом и, недавно, Бадью. Однако я думал вовсе не о психоанализе, когда решил использовать слово «антифилософия» в названии книги. Собранные здесь тексты были написаны на разных языках в разное время для различных целей, и изначально не планировалось, что они будут собраны под одной обложкой. Но во время подготовки книги к публикации в 2008 году я осознал, что все тексты были комментариями на авторов, которые ставили под вопрос философскую практику как таковую и делали это схожим образом.

Их дискурсивные стратегии — конечно, очень разнородные — напомнили мне о некоторых художественных практиках, которые после публикации книги Ханса Рихтера «Дада: искусство и антиискусство»¹ часто называются антиискусством. Самый известный пример таких практик — реди-мейды Дюшана. Его работы хвалили и одновременно критиковали как маркирующие конец искусства. Действительно, если искусство понимается как производство и демонстрация вещей, отличных от обычных вещей и называемых поэтому произведениями искусства, то реди-мейды маркируют конец искусства, поскольку они де-

Статья представляет собой введение к книге: *Groys B. An Introduction to Anti-philosophy* / D. Fernbach (trans.). L.; N.Y.: Verso, 2012 [*Groys B. Einfuehrung in die Anti-Philosophie*. Muenchen: Carl Hanser, 2009]. Перевод с английского Александра Писарева. Публикуется с любезного согласия автора и под его редакцией.

1. См.: *Рихтер Х. Дада — искусство и антиискусство: Вклад дадаистов в искусство XX века*. М.: Гилея, 2013.

монстрируют, что любая обычная вещь может быть выставлена и воспринята как произведение искусства. В свете этого открытия вся индустрия искусства предстает как излишняя и бесполезная деятельность, у которой может быть лишь одна цель: получение выгоды от притязания на то, что «эстетический опыт» может быть порожден лишь особыми объектами, а именно предметами искусства, созданными гениальными художниками. Это открытие породило радикальную критику искусства как институции. Казалось, что после появления практики реди-мейда институты искусства потеряли свою легитимность и устарели. Однако после Дюшана художественная практика реди-мейда функционировала как продолжение художественной традиции, а вовсе не как отречение от нее. Позже я вернусь к этому пункту, а сейчас хотел бы провести некоторые параллели между антиискусством и тем, что я по аналогии назвал антифилософией.

И в самом деле, авторов, которых я обсуждаю в статьях, составляющих эту книгу, можно представить как философов реди-мейда — по аналогии с художниками реди-мейда. Очень упрощенно философию можно понять как производство общезначимых, универсализированных дискурсов о мире. Эти метадискурсы предполагают возможность метапозиции по отношению к миру, которая отличается от нашей обычной позиции в мире. Обычная, или, используя выражение Гуссерля, «естественная», позиция субъекта в мире определяется заинтересованностью этого субъекта в выживании в мире, неизбежной ограниченностью горизонта его опыта, его воспитанием, культурной идентичностью и его специфической жизненной перспективой. Этот субъект может стать философом, если он подвергнет себя своего рода секулярной метаноюе — потеряет заинтересованность в сохранении собственной позиции и своем выживании в мире и обретет универсальную точку зрения и метапозицию по отношению к реальности своего существования. Очевидно, что такая философская метаноюе средствами (снова выражаясь языком Гуссерля) феноменологической редукции, которая редуцирует все эмпирическое в субъекте и открывает его неограниченному, бесконечному горизонту феноменологического и поистине философского опыта, — такая метаноюе доступна только исключительным, героическим, в каком-то смысле высшим личностям. Только такие высшие личности — по аналогии с гениальными художниками — способны творить философию. А обычные люди могут получить доступ к универсальной истине и тотальности мира лишь благодаря учениям и текстам, созданным философами. Дело в том, что обычным людям недоступна философская метапозиция, ведь они не способны на героический подвиг феноменологический редукции

в любой из ее форм и, соответственно, не могут обрести всеобщую, универсальную точку зрения.

Конечно, в Новое время эта исключительность философии и философов часто подвергалась критике. Философская метанойя и метапозиция были объявлены иллюзиями или даже обманом, а философская претензия — смехотворной. Сегодня мы склонны считать, что индивид не может произвольно избавиться от своей культурной идентичности и жизненного горизонта. Традиционная философская метанойя кажется невозможной операцией. Этот скептицизм по отношению к традиционным философским претензиям открывает две возможности дальнейшего теоретизирования. Одна из них — культурология (*Cultural Studies*), основанная на убежденности в невозможности выйти за пределы собственной культурной идентичности — невозможности внутреннего изменения, метапозиции, метанойи. Вторая альтернатива — это антифилософия, или философия реди-мейда, приписывающая уже существующим привычным практикам философское значение — так же, как художественные практики реди-мейда приписывают художественную ценность обычным объектам.

Чтобы определить и инициировать такую философскую практику реди-мейда, нужно только продемонстрировать, что некоторые обыденные, повседневные практики не ограничиваются рамками индивидуальных культурных идентичностей, и в этом смысле они преодолевают любой культурный релятивизм. Таким образом, доказывается возможность открыть универсальную, трансцендентную метаперспективу без преодоления своей естественной установки героическим актом философской метанойи. Так, можно было показать, что современная экономика преодолевает любые культурные границы (Маркс), что ритуалы дара и ответного дара сходны в различных культурах (Мосс), что воля к жизни (или смерти) одинаково движет каждым (Ницше), что метафизический страх (Кьеркегор) или скука (Хайдеггер) способны вырвать субъекта из области культурных детерминаций и сделать его мир незнакомо жутким, что все мы в равной мере пойманы в универсальные сети заблуждений, самообмана и ложных интерпретаций (Ницше, Деррида) или что все мы пронизаны бесконечными потоками желания (Делез). Во всех этих случаях некоторый обыденный опыт, или практика (страх, желание, труд, произвол или дар), берет на себя роль традиционной философской практики и открывает субъекту картину мира в его целостности, не требуя при этом следовать учениям уникальных личностей — философов. Как и в случае искусства реди-мейда, (анти)философия реди-мейда избавляется от героического философского акта и заме-

няет его практиками обычной жизни, которым приписывается философское достоинство.

Антифилософ не выходит за пределы мира, чтобы занять метапозицию; вместо этого он ищет реальные, внутримирные практики, уже имеющие универсальное измерение, превосходящее любую частную точку зрения. Это может быть техника (Юнгер), война, ошибка и иллюзия, смех, слезы, опера (Вагнер), медиа (Маклюэн) и т. д. Философ здесь интерпретирует некоторую реальную практику как универсальную.

Эта аналогия между художественными и философскими реди-мейдами особенно наглядна в случае Кьеркегора. Фактически он интерпретирует фигуру Христа как прототип реди-мейда. По его словам, в Христе невозможно визуально опознать божественный образ, или, вернее, образ божественного. Кьеркегор утверждает, что фигура Христа — совершенно обычная фигура, не обнаруживающая никаких визуальных черт, которые бы кодировались в культуре как признаки божественного (к примеру, крылья, множество ног и т. д.). В этом смысле Христос не может быть опознан средствами культуры как фигура Сына Божьего. Но он не может быть также «припомнен» и в акте предложенного Платоном философского анамнесиса, трансцендирующего любые культурные конвенции. Сын Божий не опознается здесь ни эмпирической верификацией, ни философской очевидностью. Таким образом, значение божественной может быть присвоено этой фигуре только личным решением свидетеля — в «прыжке веры». Этим демонстрируется, что акт веры как таковой универсален и не зависит от объекта веры; и в этом смысле он транскультурен. Аналогия с Дюшаном очевидна: он также продемонстрировал, что практика эстетической оценки не зависит от объекта оценивания.

Таков основной пункт антифилософской критики традиционной философии. Последняя претендует на радикальную метанойю, полностью отбрасывая естественную установку. Однако при этом предполагается, что сами по себе философские учения и тексты должны быть опознаваемы обычными средствами и в горизонте естественной установки. Действительно, в естественной перспективе легко отличить философские тексты от остальных, хотя при этом сама философская установка претендует на неопознаваемость. Это ставит философию под подозрение: возможно, чтобы начать писать тексты, философу и не нужно проходить через какую бы то ни было философскую метанойю, «изменение ума». Достаточно эмпирического знания формы, которая должна быть придана тексту, чтобы он мог идентифицироваться культурой в качестве философского.

Вот еще одна аналогия с искусством. Портрет Моны Лизы останется прекрасным, если его повесить над диваном, то есть поместить в обыденный контекст частного жилья. «Фонтан» Дюшана, помещенный в частном туалете, потеряет свое художественное качество (*artistic edge*). Можно читать Платона и восхищаться им, не совершая метанойю. Однако приходится посмотреть на свой язык с другой точки зрения, чтобы читать Витгенштейна. То есть антифилософия требует изменения ума самого читателя, а не такого невозможного акта, как метанойя, как это требуется от великого философа. Действительно, метанойя читателя предполагает не радикальный отказ от естественной, обычной установки, а только обнаружение и тематизацию универсального характера некоторых обычных практик. Но как бы то ни было, изменение ума все же нужно. Вот почему антифилософия пытается активизировать читателя — подвести к необходимости выбора, принятия решения, а не оставить его пассивным потребителем истин, произведенных другими, то есть великими философами. Это не отказ от метанойи как таковой, а ее демократизация. Каждый — (всегда уже) философ, но не знает об этом, и от него требуется понять и принять это. Антифилософия — это философия в условиях демократического равенства.

У кого-то демократизация метанойи может вызвать определенную ностальгию по старым добрым временам, когда жили, творили и обретали признание великие философы и художники. Поэтому можно счесть, что антифилософия является лишь историческим эпизодом, который сменяется новой великой и подлинной философией. Думаю, это не так — и не будет так в дальнейшем, поскольку антифилософия — завершающий этап философии. Здесь можно говорить об абсолютной философии — в том же смысле, в каком Кьеркегор говорил об абсолютной религии. Он считал, что христианство является абсолютной религией, поскольку, как уже было сказано, христианство не опирается на факты признания или сравнения, проверки или доказательства и не может быть релятивизировано ими. Абсолютная (анти)философия также не зависит от какого бы то ни было эмпирически идентифицируемого различия между обычными и философскими текстами. Скорее, антифилософский текст требует от нас совершить метанойю и взглянуть на собственные практики в иной, универсалистской перспективе. Если же такое требование отвергается, текст теряет свой универсальный характер. Фактически антифилософия — это единственный способ выживания философии в условиях демократического равенства.